

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-170-189>

СТРУКТУРНО-КОМПАРАТИВНЫЕ ВАРИАНТЫ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

**Екатерина Васильевна
Огольцева**

Московский государственный
педагогический университет
Москва, Россия
tertiumcomp@mail.ru

Аннотация. Цель статьи – анализ особых вариантов устойчивых сравнений (УС) – конструкций, эквивалентных инвариантным, но характеризующихся иными способами выражения компаративных отношений. Такие варианты автор вслед за В. М. Огольцевым именует «структурно-компаративными». Данное явление отличается как от традиционного варьирования, присущего фразеологическим единицам вообще (лексического, грамматического, словообразовательного видоизменения их компонентов), так и от грамматических модификаций устойчивых сравнений, связанных с изменением формы слова (словосочетания), образующего сравнительную часть. Объектом анализа являются два типа структурно-компаративных вариантов – «творительный сравнения» и конструкции с формами сравнительной степени прилагательных (наречий). Автор приходит к выводу, что обе сопоставляемые компаративные структуры отличаются от соответствующих инвариантных конструкций по целому ряду показателей: преобладанию качественного или количественного аспекта компаративной семантики; степени зависимости их речевого функционирования от исходной модели устойчивого сравнения и от слов-сопроводителей, с которыми оно употребляется; степени структурной гибкости, проявляющейся в возможностях авторской трансформации; степени фразеологичности. Структурно-компаративные варианты проявляются главным образом у тех УС, которые образованы по наиболее распространённой модели *mB*, где *m* – показатель компаративных отношений, а *B* – образ сравнения (единицы типа как волк, как туча, как молния). Они невозможны у тех компаративных фразеологизмов, которые в структуре сравнительной части содержат глаголы, субстантивированные прилагательные и причастия. Системное исследование всех проявлений варьирования в системе УС имеет не только теоретическую, но и практическую значимость; последняя связана с необходимостью уточнения понятия «норма» применительно к сфере компаративной фразеологии, с решением актуальной задачи обогащения лексикографической практики регулярным отражением структурно-компаративных вариантов, которые реально присутствуют в живой речи, подтверждая тезис о единстве и борьбе «стабильности» и «динамичности» как необходимого условия устойчивости фразеологической единицы.

Ключевые слова: устойчивое сравнение, компаративный фразеологизм, структурно-компаративный вариант, творительные сравнения, сравнительная степень, слово-сопроводитель, образ сравнения, основание сравнения.

Для цитирования: Огольцева Е. В. Структурно-компаративные варианты устойчивых сравнений в русском языке // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 4 (16). С. 170–189. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-170-189>

Сведения об авторе: Е. В. Огольцева – доцент, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Московский педагогический государственный университет, 119991, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, дом 1, стр. 1.

© Огольцева Е. В., 2023

Scientific Article
UDC 811.161.1
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-170-189>

STRUCTURAL-COMPARATIVE VARIANTS OF FIXED SIMILES IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Ekaterina V. Ogoltseva

Moscow State Pedagogical University
Moscow, Russia
tertiumcomp@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to analyze special variants of fixed similes - constructions equivalent to invariant ones, but characterized by other ways of expressing comparative relations. The author, following V. M. Ogoltsev, calls such variants "structural-comparative". This phenomenon differs both from the traditional variation inherent in phraseological units in general (lexical, grammatical, word-formative modification of their components), and from grammatical modifications of fixed similes associated with a change in the form of a word (phrase) that forms a comparative part. Two types of structure-comparative variants are the object of analysis: ablative similes and constructions with forms of the comparative degree of adjective (adverb). The author comes to the conclusion that both comparative structures differ from corresponding invariant structures in a number of indicators: the prevalence of the qualitative or quantitative aspect of comparative semantics; the degree of dependence of their speech functioning on the initial model of fixed simile and on the adjuncts with which it is used; the degree of structural flexibility, manifested in the possibilities of the author's transformation; degree of idiomaticity. Structural-comparative variants are manifested mainly in those similes that are formed according to the most common **mB** model where **m** is the comparative relationship index, **B** is the comparison image (units *kak volk* (like a wolf), *kak tucha* (like a cloud), *kak molniya* (like lightning)). They are impossible for those comparative phraseological units that contain verbs, nominalized adjectives and participles in the structure of the comparative part. A systematic study of all manifestations of variation in the fixed similes system has not only theoretical, but also practical significance; the latter is connected with the need to clarify the concept of "norm" in relation to the field of comparative phraseology, with the solution of the actual task of enriching lexicographic practice by regularly reflecting structural and comparative options that are actually present in live speech, confirming the thesis about the unity and struggle of stability and dynamicity as necessary condition for the stability of a phraseological unit.

Keywords: fixed simile, comparative phraseological unit, structural-comparative variant, creative comparison, ablative similes, adjunct, image of comparison, base of comparison.

For citation: Ogoltseva, EV 2023, 'Structural-comparative Variants of Fixed Similes in the Russian Language', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (16), pp. 170–189, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-170-189> (in Russ.)

Information about the Author: *Ekaterina V. Ogoltseva* – Associate Professor, Doctor of Science (Philology), Professor of the Russian Language Department, Moscow Pedagogical State University, 1/1, Malaya Pirogovskaya Str., Moscow, 119991, Russia

Введение

В системе устойчивых сравнений¹ широко распространены разные виды варьирования, затрагивающего все компоненты воспроизводимой компаративной структуры: А (предмет сравнения, или объект образной характеристики); В (образ сравнения), С (признак-основание) и m – показатель компаративных отношений. Особенно значимым для анализа проявлений системности в сфере УС является варьирование компонента В, которое может быть 1) лексическим: как *львиная* [*лошадиная, конская*] *грива*, как *затравленный* [*загнанный*] *волк*, как *в парилке* [*парной*]; 2) грамматическим: как *под венец* (*к венцу*), как *из* (*после*) *бани*, как *именинник* (*именинница*); 3) словообразовательным: как *ангел* (*ангелочек*), как *заря* (*зорька*); как *пуговица* (*пуговка*)². Особым проявлением варьирования структуры устойчивого сравнения являются факультативные компоненты: как *<железным> обручем*, как *иголка <в стогу>*, как *в <бездонную> пропасть*, как *<цыганский> табор*, как *дважды два <четыре>*.

Исследование варьирования в сфере фразеологии имеет давнюю историю и ознаменовано многими глубокими идеями и открытиями прошлого. Важность научного анализа пределов варьирования во фразеологии подчеркивал Н. М. Шанский: «Различия фразеологических вариантов могут быть большими или меньшими, однако это всегда будут различия, не нарушающие тождества фразеологического оборота как такового» [18, с. 67]. (*Подчёркнуто нами.* – Е.О.). Вариативность – как бы пробный камень устойчивости, проверка фразеологизма на «прочность», о чём писал в частности А. В. Кунин [5, с. 145]. Большое значение для развития фразеологии и фразеографии имеют глубокие лингвофилософские по своей сути идеи В. Л. Архангельского о том, что 1) устойчивость фразеологической единицы определяется «совокупностью закономерных ограничений в выборе переменных» [1, с. 115–116]; 2) инвариант и варианты устойчивой фразы – яркое проявление диалектического взаимодействия «сущности» и «явления» [там же, с. 127]. Концепция В. Л. Архангельского получила блестящее продолжение в работах его последователей, в частности В.Т. Бондаренко, который неоднократно отмечал, что устойчивость как важнейший признак фразеологической единицы не исключает, более того, «предполагает вариабельность и частичную творимость УФ (*устойчивой фразы* – Е.О.) в живой речи. <...> УФ только потому и можно видоизменять, что каждый носитель языка знает их значение и структуру» [2, с. 7–8].

Особая широта и многообразие варьирования компонентов в сфере компаративной фразеологии связаны прежде всего со спецификой внутренней формы УС: она, как правило, «обнажена», то есть вполне очевидна. Хотя многие устойчивые сравнения и нуждаются в лингвокультурологических комментариях, мотивировка образного выражения, как правило, вполне ясна. Эта особенность отличает устойчивые сравнения от основной массы фразеологизмов – так называемых фразеологических сращения и фразеологических единств.

Проблема видоизменений отдельных компонентов в составе УС затрагивалась нами ранее (см. в частности: [11, с. 14–21]). В рамках настоящей статьи мы рассмотрим иной аспект структурно-семантической «динамичности»: варьирование компаративной «прототипической» модели в целом – так называемые структурно-компаративные варианты (далее СКВ): «Структурно-компаративные варианты устойчивых сравнений представляют собой конструкции, семантически эквивалентные инвариантным. Компаративные же отношения в них выражены не сравнительными союзами, а иными средствами (падежной, предложно-падежной формой существительного, сравнительной формой качественного имени прилагательного или относительным прилагательным» [9, с. 20]. По сравнению с варьированием отдельных компонентов, подобные варианты языкового выражения одного и того же ком-

паративного значения разными структурными моделями УС к настоящему моменту исследованы лишь фрагментарно.

Детальное изучение всех проявлений варьирования формы и семантики в системе компаративной фразеологии представляется нам чрезвычайно актуальным, прежде всего в связи с неутраченными дискуссиями по таким сложным вопросам, как фразеологическая норма, разграничение устойчивых сравнений и индивидуально-авторских, баланс устойчивости и динамичности как неотъемлемый признак высокой коммуникативной значимости того или иного класса языковых единиц.

Языковой материал и методы

В качестве основного источника языкового материала мы используем Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический) [9]. Выбор этого лексикографического источника связан с целым рядом факторов.

1. Последовательно нормативный характер словаря (в словнике представлены только воспроизводимые единицы литературного языка: авторские сравнения, их трансформы, а также диалектный материал остаются за пределами лексикографического описания).

2. Алфавитно-гнездовой принцип расположения материала, что дает возможность отделить структурно-компаративные варианты от грамматических модификаций устойчивых сравнений.

3. Отражение парадигматических особенностей каждого УС, прежде всего многозначности и синонимии – семантических проявлений, тесно связанных с проблемой «вариантности».

В данном словаре мы обнаружили около 150 единиц, располагающих теми или иными структурно-компаративными вариантами УС. Отметим основные модели СКВ, получивших лексикографическое описание.

1) Компаративно-производные слова – прилагательные с семантикой образного сравнения (*сила как у быка – бычья сила; глаза как васильки – васильковые глаза*).

2) Конструкции с образом **В** в форме творительного падежа с предлогами «с» или «в» (*с коломенскую версту; с воробьиный нос; с булавочную головку*).

3) Конструкции с «творительным сравнения» (*смотреть волком, извиваться ужом*).

4) Конструкции с формой простой сравнительной степени прилагательного или наречия (*мрачнее тучи; страшнее чёрта*).

Следует отметить, что структурно-компаративные варианты устойчивых сравнений так или иначе отражены в целом ряде других авторитетных лексикографических источников, в частности, в Словаре сравнений русского языка В. М. Мокиенко [7], что подтверждает правомерность их рассмотрения как вариантов выражения семантики образного сравнения, активно употребляющихся в русской речи наряду с основной «прототипической структурой».

От структурно-компаративных вариантов УС следует отличать грамматическое варьирование модели, связанное с морфологическими модификациями компонентов словосочетания, образующего сравнительную часть, например, как *магнит (магнитом) (тянуть, притягивать) – как (словно, точно) к магниту (тянуться, притягиваться); как пьяный (качается) – как пьяного (качает)*. Подробнее о грамматических модификациях образного ядра УС см. в нашей статье [10, с. 217–225].

Грамматические модификации компаративной структуры иногда приводят к существенному изменению основания сравнения, а следовательно, и синтагматических связей устойчивой единицы в целом: как *курёнка (задушить) – как курёнку (свернуть голову кому-л.)*; как *собака на цепи (сидеть где-л.) – как собаку на цепи*

(*держат* кого-л.); как *школьник* (*школьница*) (*вести себя*) – как *со школьником* (*школьницей*) (*обращаться, говорить*); как *родного* (*встретить, принять кого-л.*) – как *родному* (*обрадоваться*) – как *к родному* (*привязаться, привыкнуть к кому-л.*). Рассмотрим специфику подобного варьирования на примере.

УС как (словно, точно) ушат холодной [ледяной] воды употребляется в основном с глаголом-сопроводителем «подействовать» – ‘охлаждающе, умиряюще на кого-л. – сразу, мгновенно. О каких-л. предупредительных мерах воздействия на человека’ [9, с. 716]: *Угрозы подействовали, как ушат холодной воды... мамка приутихла и обещала под клятвою не говорить об этом боярину* (И. И. Лажечников «Басурман»). Однако в текстах нередко встречается и конструкция с творительным падежом (преимущественно в безличных конструкциях, с глаголами-сопроводителями «окатить», «обдать»): *Нет, – отрывисто сказал он [Пушкин] мне, – с тех пор как я женат, я в такие дела не езжу». Меня точно ушатом холодной воды обдало, я сконфузился, пробормотал что-то очень неловкое и стушевался за спиной моего отца <...>* (В. А. Соллогуб. Из «Воспоминаний»). Рассматривая подобные случаи на материале фразеологии в целом, В. Л. Архангельский относит их к морфологическим вариантам ФЕ; совокупность же таких модификаций учёный именуется «морфологической вариацией» [1, с. 128–129]. Отметим, кстати, что структура данного УС оказывается чрезвычайно гибкой: она подвержена и разнообразным авторским трансформациям. Ср.: «точно ушат холодной воды на голову» (М. Н. Полевой); «как будто на нас опрокинут ушат с водой» (Т. А. Сухотина-Толстая); «как из ушата холодной водой / окатил» (Г. Н. Троепольский); «на него как будто вылили ушат холодной воды» (И. А. Гончаров); «словно вылила на голову ушат холодной воды» (И. И. Бережной). Такие индивидуально-авторские трансформы также не являются объектом нашего анализа, поскольку в данном случае мы имеем дело с варьированием, выходящим за пределы языковой нормы.

Встречаются случаи, когда в семантической структуре одного устойчивого сравнения наблюдается несколько СКВ. К примеру, УС как (словно, точно) *гармошка* (*гармонь – прост., гармоника, гармония – устар.*) (значение ‘Складывать(ся), свертывать(ся), развёртывать(ся), растягивать(ся), собирать(ся) в равномерные крутые складки. О предмете, коже (преим. на лбу человека), о ткани, бумаге’ [9, с. 118–119]) может употребляться в двух вариантах: *складываться, собираться / гармошкой и собираться, складываться / в гармошку*. Разные СКВ могут быть связаны с разными значениями компаративного фразеологизма. В составе одного синонимического ряда могут быть устойчивые сравнения, располагающие структурно-компаративными вариантами и лишённые таковых.

В связи с этим представляется правомерным выбор анализа словарных дефиниций в качестве одного из ключевых методов анализа СКВ. Чтобы адекватно оценить варианты того или иного языкового феномена, необходимо обратиться к узаконенной традицией употребления постоянству связи между образом сравнения, объектом характеристики и признаком-основанием компаративной конструкции, иными словами, к анализу *инварианта*.

Другой метод, используемый нами в данной работе, – **контекстологический анализ**. Поскольку варианты УС реализуются в условиях конкретных речевых актов, необходимо установить возможности употребления того или иного СКВ в речи и те потенциальные семантические изменения, с которыми неизбежно сопряжено любое изменение формы. Источником текстовых фрагментов послужила картотека вышеназванного словаря.

В рамках настоящей статьи мы рассмотрим лишь две разновидности подобных вариантов УС: 1) так называемый творительный сравнения (*борода лопатой*) – в

словаре зафиксировано около 130 подобных единиц и 2) конструкции с компаративом в роли основания сравнения и формой родительного падежа существительного в функции образа сравнения (*мрачнее тучи*) – 15 единиц. Эти конструкции объединяет следующая общая особенность: в состав воспроизводимой части входит не один обязательный компонент (В), а два: это либо образ сравнения (В) и предмет образной характеристики (А), либо основание сравнения (С) и образ (В). Иными словами, подобные конструкции являются двухэлементными: *легче птички, стоять ферттом* (СВм), *борода лопатой, волосы ёжиком* (АВм).

Выбранные нами модели УС неравноценны в плане возможностей варьирования. Структурно-компаративные варианты с компаративом (типа *ласковее кошки*) характерны преимущественно для устойчивых сравнений с нераспространенным компонентом В-существительным, то есть для УС, построенным по простейшей модели тВ, где образ сравнения – форма именительного падежа имени существительного: *как волк, как птица, как туча* и проч. Творительный сравнения – более подвижная структура: он может выступать в качестве структурно-компаративного варианта модели тВВ, где *в* – компонент, синтаксически связанный с элементом, выражающим образ сравнения В, по типу управления или согласования (ср. *как бельмо на (в) глазу – бельмом на глазу; как затравленный волк – затравленным волком (глядеть)*).

Вообще стоит отметить, что синтаксическое распространение сравнительной части (то есть воспроизводимой конструкции тВ) – существенное препятствие для варьирования компаративной модели. Так, УС отмеченной выше модели тВВ менее располагает к структурно-компаративному варьированию, нежели модель тВ, независимо от того, выступают ли в качестве «распространителей» *в* согласованные определения или формы косвенных падежей существительных: *как смертный грех; как водовозная [старая, загнанная, измученная, разбитая] кляча; как дерьмо в проруби, как с гуся вода*.

Не имеют структурно-компаративных вариантов УС, построенные по следующим моделям.

- **т β , где β** – существительное в косвенном падеже с предлогом или без предлога: в предложном – *как в гостях, как на вокзале, как на вулкане*; в родительном – *как у волка (волчицы)*; в дательном – *как по волшебству*; в винительном – *как гадину, как на врага*; в творительном – *как под гипнозом*.

- **тВ, где В** – прилагательное или причастие в им. п. (иногда – с зависимыми компонентами): *как деревянный, как каменный, как вкопанный; как в воду опущенный, как врытый <в землю>*.

- **УС с компонентом В – безличным глаголом** (при котором иногда есть зависимое существительное: *как водой смыло; как ветром сдуло*).

- **УС с компонентом В – спрягаемой формой глагола** (при которой иногда есть зависимые именные компоненты): *как пишет, как воскрес <из мертвых>, как в рот воды набрал, как в воду канул; как воз везёт, как в котле кипеть, как метлой мести (выметать)* и проч.

Ход и результаты анализа **а) «Творительный сравнения»**

«Творительный сравнения» давно привлекает внимание как грамматистов, так и фразеологов (разные аспекты этого феномена интересовали А. А. Потемню, А. В. Исаченко, М. И. Черемисину, Е. В. Скворецкую, Р. Мразека, А. А. Зализняк, Е. В. Рахилину и мн. др.). Его семантическим и синтаксическим особенностям посвящена фундаментальная работа чешского лингвиста Р. Мразека [8]. Исследователи, занимающиеся проблематикой сравнения, рассматривают творительный падеж как полноценную часть системы компаративных конструкций русского языка – их

«деривационной парадигмы» [18]. Ю. Ю. Ушакова в своей докторской диссертации наряду с прочими «компаративными тропами» рассматривает падежные формы существительных с компаративной семантикой, в том числе творительный сравнения. Вслед за своими предшественниками (см. в частности [17]) она особо подчеркивает генетическую связь творительного сравнения типа *обвиться змеей* с «творительным превращения (метаморфозы)». [12, с. 28] Учёные уделяют внимание семантике глаголов, при которых обычно употребляется «творительный сравнения» [6, с. 10], и многим другим частным проблемам. Наименее исследованными аспектами, на наш взгляд, являются специфика этой компаративной модели в сопоставлении с другими СКВ и её анализ на фоне основной, «прототипической структуры» (УС с союзами *как, словно, точно*).

Иногда конструкция с творительным падежом употребляется при существительном, выражая не образ действия, а качественную характеристику конкретного предмета по форме, местоположению, конфигурации и проч. (в том числе части тела человека или животного: *борода венником, борода лопатой, нос крючком, губы бантиком, нос картошкой, нос кнопкой (кнопочкой), уши лопухами*. Подобные структуры, как правило, не требуют экспликации основания сравнения в силу его очевидности. Однако в абсолютном большинстве случаев «творительный сравнения» встречается с проводителями-глаголами: *торчат / бельмом на (в) глазу; сидеть, жить / бирюком; сидеть, смотреть / букой; вертеться, крутиться / волчком; мчаться, нестись / вихрем; смотреть / волком* и мн. др.

Если сравнения, реализующие структурно-компаративный вариант модели АВm (*брови домиком, нос крючком, хвост трубой*), используются в основном для выражения эталонов формы, а также расположения объекта образной характеристики в пространстве, характеризуя внешний вид человека или животного, то сравнения модели СВm выражают, как правило, движение человека или животного, поведение, образ жизни или состояние человека, реже свойства и состояние конкретных предметов и веществ: *молнией (мчаться), мелким бесом (витья, рассыпаться, увиваться), отшельником (жить), волком (выть; смотреть), золотом (блестеть, сверкать)*.

Творительный сравнения обычно проявляет себя как вариант прототипической модели с образом сравнения в форме именительного падежа. Отметим относительно редкие случаи нарушения этой тенденции: **как на карусели** ‘Кружиться, крутиться, вертеться. О ком-то или чем-л., перемещающемся по кругу. **Каруселью** – кружиться, вертеться’ [9, с. 243]; **как кость в горле [поперек горла]** ‘Быть для кого-л., встать, становиться кому-л. досадной помехой, трудно преодолимым препятствием. **Костью в горле (поперек горла)** – быть, стоять’ [там же, с. 281]; **как мокрая курица** ‘Находиться в удрученном, подавленном состоянии; быть неэнергичным, вялым, безынициативно-беспомощным (презр.). **Мокрой курицей** – держаться, выглядеть’ [там же, с. 308–309].

Если основание устойчивого сравнения выражено только именами прилагательными (то есть среди слов-проводителей нет глаголов), то структурно-компаративный вариант «творительного сравнения» в принципе невозможен: **как (словно, точно) гранит** ‘1. Твердый, крепкий, прочный. О веществе, предмете. <...> 2. Перен. Твёрдый, крепкий, непоколебимый, стойкий. О моральных силах, воле, убеждениях человека’ [там же, с. 135]. Ср. также: *как (словно, точно) грач (черный); как дерево (твердый, жесткий)* и т. п.

Чаще всего и УС основной модели, и его СКВ в форме творительного падежа употребляются с одними и теми же проводителями. Так, устойчивое сравнение *как вихрь* употребляется с проводителем-прилагательным «быстрый», с глаголами «лететь / летать», «перелететь / перелетать», «полететь», «влететь / влетать»,

«вылететь / вылетать», «нести / понести», «унести», «носиться», «взвиться / взвиваться», «мчаться / промчаться», «умчаться», «ворваться / врываться», «метаться», «крутиться». Согласно словарю это сравнение может употребляться в форме творительного падежа в двух значениях: **Как (словно, точно) вихрь** '1. *Нестись, лететь, мчаться; влетать, врываться* куда-либо. Двигаться, передвигаться с очень большой скоростью. О человеке, животном, средстве передвижения. **Вихрем – мчаться, нести, лететь; влетать, врываться**; 2. **Налетать** на кого-л. – с руганью, угрозами, агрессивными действиями. **Вихрем – налетать** [9, с. 93–94.]. Как видим, конструкция с творительным падежом встречается в текстах примерно с тем же набором слов-сопроводителей. Однако отличие от УС как *вихрь*, которое допускает и употребление с прилагательным «быстрый», «творительный сравнения» – застывшая адвербиализованная форма имени, употребляющаяся исключительно с глаголами.

Стоит отметить, что цельноформленная структура выражает более высокую степень интенсивности признака: <...> *В соседних комнатах раздавались взрывы неудержимого молодого веселья или звуки балалаек, и по временам через гостиную мчалась, как вихрь, толпа юнцов и юниц* (А. Ф. Кони «Воспоминания о писателях»); *Показывали гравюры их приятельницы, художницы Кэте Кольвиц. «Крестьянская война», – испуганная толпа с косами, топорами, вилами мчится вихрем, сзади горят здания* <...> (В. В. Вересаев «Невыдуманные рассказы о прошлом»).

Структурно-компаративный вариант с творительным падежом по сравнению с прототипической структурой характеризуется и более высокой степенью уподобления. Это связано с тем, что образ и показатель сравнения выражены «синтетически», в одной словоформе: в «творительном сравнения» показателем компаративных отношений является бывшая флексия адвербиализованного существительного -ом/-ем; -ой/-ей.

Иными словами, для «творительного сравнения» характерна более высокая степень фразеологизации, чем для структуры с союзом «как». Она представляет собой форму более «окостенелую» именно в связи с цельноформленностью структуры. Раздельноформленная конструкция более гибка, подвержена варьированию, что способствует оживлению образа, его предметной, вещной наглядности в сознании читателя (слушателя). Так, самостоятельное выражение показателя компаративных отношений (союза) влечет за собой возможность выражения разных модальных оттенков: *Тревожно-мучительные думы овладели Зинаидой Павловной и, точно вихрь, закружились в её голове* (А. И. Куприн «Впотьмах»); *Я пустился домой; в моей душе был восторг. Всё мелькало в уме, как вихрь, а сердце было полно* (Ф. М. Достоевский «Подросток»). Союз «точно» дает возможность «сблизить» предмет и образ сравнения и несколько ослабить автоматизм восприятия устойчивого сравнения. Такому оживлению образа способствует и авторские трансформы, связанные с распространением существительного, выражающего компонент В, причем эту задачу выполняют не только полнзначные определения (прилагательные или причастия), но и указательные местоимения: *Мгновенно, как тот вихрь, налетела на него любовь*. (И. С. Тургенев «Вешние воды»). «Тот вихрь» – это, во-первых, намек на некое личное, очень субъективное воспоминание персонажа или рассказчика, а во-вторых, «тот» – значит, настоящий вихрь, явление природной стихии, который читателю предлагают представить для выражения силы и внезапности чувства, нахлынувшего на героя. Примерно ту же функцию может выполнять и неопределенное местоимение (с опущенным «постфиксом неопределенности»): – *Неприветливый, никогда не улыбнёшься, доброго слова не скажешь, немилостивый, словно зверь какой... Ишь какое лицо! А что народ про тебя*

рассказывает, горе ты моё! (А. П. Чехов «На мельнице»). Всех этих возможностей «творительный сравнения» не имеет, точнее, он в них не нуждается – данная конструкция «специализируется» на выражении высокой степени проявления признака и предельной степени уподобления: Мысли **вихрем кружились** у меня в голове (П. А. Кропоткин «Записки революционера»). «Вихрем» кружились – прежде всего «быстро, стремительно» (а также «беспорядочно», «хаотично», однако это уже второстепенные признаки).

Важно отметить, что выбор того или иного структурно-компаративного варианта во многих случаях сопряжён с выбором той или иной синтаксической конструкции. Так, модель **как огонь** (*жжет*) не может употребляться в безличной конструкции, а для «творительного сравнения» такое употребление вполне возможно: **огнём** (*жгло*) кого-либо.

При многозначности УС структурно-компаративные варианты проявляются очень избирательно и прихотливо. Так, компаративный фразеологизм **как (словно, точно) волк** имеет шесть значений, однако варианты с творительным падежом отмечены только в четвертом значении ('4. **Смотреть, глядеть на кого-л.** – недоверчиво, злобно; коситься') и в шестом ('6. ~ <голодный> ~ – **Быть.** Горько выражать свои жалобы, страдания, переживания' [9, с. 103–104]: *Муж её, человек порядочный, хороший семьянин и любящий супруг, как принято выражаться, смотрит на нас волком* (Ю. Герман «Дело, которому ты служишь»); – *А вот погодите, батенька, узнаете нашу публику, так волком вззоете! Мы давеча вот с вами обедали с предводителем, а это такой гусь... Впрочем, увидите сами...* (М. П. Чехов «Судьба»). Любопытно, что в обоих случаях более употребительным вариантом оказывается именно конструкция с творительным падежом.

Текстовый материал подтверждает уже отмеченную нами закономерность: в отличие от «творительного сравнения», УС со значением «смотреть, глядеть» часто встречается в преобразованном виде: «оглядывался, как волк» (М. А. Булгаков), «озирается, как волк» (Л. Н. Толстой), «глядел исподлобья, как волк» (Д. Н. Мамин-Сибиряк), «косится исподлобья, как волк» (Л. Н. Толстой). Очевидно, что раздельно оформленная структура дает больше возможностей в плане варьирования основания сравнения и конкретизации его образной основы. Зато структура с творительным падежом четко, недвусмысленно и вместе с тем предельно экспрессивно выражает вполне конкретные признаки взгляда: «злобно и недоверчиво».

Другой яркий пример, когда вариант с творительным падежом встречается гораздо чаще, – УС **как (словно, точно) волчок** (1.1. **Вертеться, кружиться, крутиться** на одном месте. О человеке, животном, предмете; <...> 1.3. **Вертеться, крутиться, кружиться.** Быть в постоянных хлопотах, заботах, работе' [9, с. 105–106] (соотношение примерно 1:2). «Творительный сравнения» употребляется в тех же двух функциях: *Пушкин, как всегда бывало, когда её не было, несколько раз вертелся волчком и произвольно оглядывался, искал её* (Ю. Н. Тынянов «Пушкин»); *Сам на полный износ работаешь и других толкаешь на износ. Волчком вертишься круглые сутки, того же требуешь и от своих подчиненных* (А. О. Авдеенко «Это твой свет»).

При этом УС **как волчок** чаще характеризует человека, а СКВ с творительным падежом может употребляться в описаниях каких-либо транспортных средств, механизмов, приборов и как характеристика поведения животного: «*ледокол вертелся в порту волчком*» (Б. С. Житков «Ледоколы»); «*волчком крутилась матово блестящая шестерня*» (К. Седых «Даурия»); «*горячий конь вертелся волчком*» (Д. Фурманов «Чапаев»); «*лошади <...> вертелись волчком*» (Ю. К. Олеша «Три толстяка»). Адвербиализованная форма «волчком» встречается и как характеристика

пыльной бури, танка, самолёта, челнока, гранаты. Творительный сравнения употребляется также в значении «юлить, изворачиваться, менять свои ответы, мнения».

Пожалуй, одно из наиболее богатых структурно-компаративных вариантов многозначных сравнений – УС как змея. «Творительный сравнения» может выступать в данном случае и как образная характеристика человека (изгибающегося, извивающегося или ползущего, изворачивающегося, вывертывающегося, злобно шипящего как змея), и как признак животного (ползущего или изворачивающегося при движении), движущегося протяженного предмета (поезда, колонны, процессии) или части пространства (речки, тропы, улицы). Ещё больше вариантов образного употребления дают авторские сравнения. Ср., к примеру, употребление этой компаративной структуры как характеристики отвлеченных явлений: *Он [Ванька] идёт дальше... и в душу ему змеёй вползает скука, губительница людей...* (А. М. Горький «Хороший Ванькин день»); *Зло, змеёй извиваясь, проникает в мир!* (А. М. Ремизов «Плачужная канава»).

Вообще творительный сравнения – продуктивнейшая модель индивидуально-авторского фразообразования. В художественных и публицистических текстах эта модель наполняется новым лексическим материалом – в качестве образов сравнений выступают существительные, не отмеченные в общезыковых конструкциях. [Нелькин]: *О женщины! Что вам, женщины, нужно? Жёлтые нужны перчатки, лаковые сапоги, бакенбарды чтоб войлоком стояли и побольше трескотни!* (А. В. Сухово-Кобылин «Свадьба Кречинского»); *Теперь он [молоденький солдат] лежал белый, как эта бумага; из разбитого плеча волною текла кровь* (В. Гаршин «Аяларское дело»).

Анализ подобных авторских употреблений позволяет выявить ещё одно важное отличие «творительного сравнения» от конструкции с союзом. Последняя выступает одновременно и как образная характеристика предмета А, и как признак признака С: *Лицо Кутузова, стоявшего в дверях кабинета, несколько мгновений оставалось совершенно неподвижно. Потом, как волна, пробежала по его лицу морщина, лоб разгладился; он почтительно наклонил голову, закрыл глаза, молча пропустил мимо себя Мака и сам за собой затворил дверь* (Л. Н. Толстой «Война и мир»); ср.: «морщина как волна»; «как волна, пробежала по лицу». «Творительный сравнения» связан в первую очередь с сопроводителем-глаголом, выражая способ действия или признак процессуального состояния через образное сравнение: *Дырявая парусина на его [балагана] крыше ходит волнами от степного рвущего ветра, который, на ужас уездных старушек, разносит уханье барабана, звон медных тарелок, песни и хохот по всем закоулкам и лачужкам городка...* (Г. Успенский «Из биографии искателя тёплых мест»). Особенно явно отмеченное различие проявляется в контекстах, где присутствуют обе модели с одним и тем же образом сравнения: *Верхушки камыша у реки колышутся, как волны. Река, широкая и вольная, тоже бросается розовой волной* (О. И. Маркова «Над рекой береза»).

То же можно сказать и о воспроизводимых структурно-компаративных вариантах: *Павел Мохов взглянул орлом на Таню <...> и в каком-то телячьем восторге, захлебываясь, начал речь* (В. Я. Шишков «Спектакль в селе Огрызове»). *Это был уже не тот Целин, с замедленными движениями, с грустно-задумчивым взглядом. Он быстро двигался, браво разговаривал и смотрел орлом* (В. Попов «Разорванный круг»). Форма творительного падежа используется в текстах именно как характеристика действия – взгляда как одного из проявлений поведения человека.

Несколько особняком стоят тавтологические конструкции с творительным падежом: *баба бабой, мужик мужиком, волк волком, чёрт чёртом, орёл орлом*. Ср.: *Долго бежал он [становой]. Не раз спотыкался и падал, то на сук, то в болото.*

Испачкался да исцарапался так, что стал чёрт чёртом (С. М. Степняк-Кравчинский «Сказка о котейке»); *Ехал он [Роман], привстав на стремянах, лихо заломив на ухо папаху и поглядывая по сторонам, орёл орлом* (К. Седых «Даурия»). В подобных случаях говорящий как бы подчеркивает предельное приближение к эталону, полноту и неоспоримость сходства (*чёрт чёртом* – «настоящий чёрт», *орёл орлом* – «подлинный орел»). Тавтологические конструкции с творительным падежом всегда занимают позицию предиката при объекте образной характеристики (как правило, человеку). Как нам кажется, эта модель также может быть квалифицирована как структурно-компаративный вариант УС.

Важно различать конструкции с творительным сравнения и прототипические УС с союзом *как*, в составе которых компонент В выражен формой творительного падежа, к примеру, **как (словно, точно) бритвой** (*Отрезать, отсека́ть, разрезать, рассекать что-л., чем-л. – с большой силой, легко, ровным срезом* [9, с. 73]; **как (словно, точно) иголками (иглами)** (*Колоть* (лицо, руки, тело). О мелких острых предметах: о холоде, морозе; о болезненных ощущениях, не связанных с внешним воздействием [там же, с. 218]; **как (словно, точно) помелом** (*Болтать; трепать языком* (груб.-прост). Много, впустую говорить, наговаривать на кого-л., сплетничать [там же, с. 488]. В этом случае слова-сопроводители («отрезать», «отсекать» и проч.) в воспроизводимую структуру устойчивой единицы не входят, в отличие от конструкции *жить бирюком*, где «жить» – неотъемлемый компонент устойчивой компаративной единицы.

б) Конструкция «сравнительная степень прилагательного (наречия) + форма родительного падежа существительного»

М. И. Конюшкевич, определяя место категории сравнения в системе языковых единиц, отмечает: «Надо заметить, что в грамматических описаниях сравнения больше всего повезло именно морфологическим компаративным формам – проблемам выделения степеней сравнения, грамматическому статусу компаративных форм прилагательных, наречий и предикативов <...>» [4, с. 83]. Это замечание совершенно справедливо, если не учитывать особую функцию синтетической формы сравнительной степени – её употребление в качестве основания сравнения, образное ядро которого выражено родительным падежом существительного. Структурно-компаративные варианты УС, построенные по этой модели, практически не затронуты специальными исследованиями, хотя и упоминаются в ряду прочих форм выражения семантики образного сравнения, особенно в учебниках по стилистике и риторике. Исключение составляет, пожалуй, статья Л. Л. Фёдоровой, в которой высказана интересная идея об особом статусе этой формы как своего рода «экспрессивного элятива»: «В устойчивом сравнении используется эталонный образ Y, в котором признак сравнения проявляется в наивысшей степени. Если же признак сравнения передаётся формой сравнительной степени, то объект X предполагается как бы превышающим эталон: *быстрее ветра*, <...>, *слаще мёда*» [14, с. 147].

Возможно, низкая степень научной разработанности этого участка системы сравнений связана с тем, что модель с формой сравнительной степени («компаративом») редко проявляет себя как воспроизводимая (языковая!) единица; ср. немногочисленные случаи **бояться** / *как огня – хуже (хуже, больше) огня; беречь* / *как свой глаз – хуже глаза; жестокий, злой, лютый* / *как зверь – хуже зверя, хуже зверя; жить (бедно)* / *как нищий – хуже нищего; мрачный* / *как <темная> ночь – мрачнее ночи; чёрный, грязный* / *как сажка – чернее сажки; бледный, побелеть* / *как стена – белее стены; чёрный, чумазый* / *как трубочист – чернее / грязнее трубочиста; мрачный, хмурый* / *как туча – темнее (мрачнее) тучи*. Особенностью модели является то, что форма сравнительной степени выполняет в её структуре двойную функцию: выражает основание сравнения и одновре-

менно является показателем компаративных отношений (компонент *m* – суффиксы *-ей/-ее/-е*).

Будучи слабо представленной в системе зафиксированных словарями воспроизводимых компаративных единиц (особенно на фоне «творительного сравнения»), модель с формой сравнительной степени исключительно активна в разговорной речи и в художественных текстах. Так, словарь не отмечает никаких вариантов выражения *злой, лютый / как волк*, однако в картотеке зафиксированы случаи типа: [Авдотья:] *Сам-то лютей волка стал! День-деньской ходит, не знает – на ком зло сорвать* (И. Ф. Горбунов «Самодур»). Представляется, что столь же естественны варианты УС *голодный как волк – голоднее волка*. Главное условие наличия подобных вариантов – выражение слова-сопроводителя именем прилагательным, а при его выражении посредством глагола – сосредоточение актуального звена компаративной цепи в семантике наречия, от которого возможно образование простой формы степени сравнения.

Подобные СКВ так же, как «творительный сравнения», чаще всего встречаются у компаративных фразеологизмов модели *mB*, где *B* – субстантив в именительном падеже. Однако они оказываются возможными также в случаях, когда УС построено по модели *mβ*, где *β* – форма родительного падежа: *бояться / как огня – бояться / пуще (хуже) огня: Кого невзлюбит этот колдун, тому не даст житья. Все боялись того колдуна хуже огня* (В. М. Шукшин «Любавины»); *Наступившее лето показало, что только постоянное присутствие Глеба, которого боялся Гриша пуще огня, заставляло его прикидываться таким смирячком* (Д. В. Григорович «Рыбаки»). Конструкция с формой сравнительной степени несколько «оживляет» образ, разрушает его стереотипность, усиливая присущую ему экспрессию. Прибегая к подобным моделям, авторы стремятся довести интенсификацию признака до предела. Интересно, что конструкция с творительным сравнения употребляется как вариант другого УС того же образно-компаративного гнезда: *как огонь – огнём / гореть, сверкать (о предмете); как огонь – огнём – гореть, пылать (о лице, щеках)*.

В текстах можно заметить повторяющийся прием авторской трансформации данной модели: вместо «утвердительного компаратива» используется компаратив антонимичного прилагательного (наречия) с отрицанием: ср. *грязнее трубочиста – не чище трубочиста, хуже (беднее) нищего – не богаче нищего, хуже горькой редьки – не слаще горькой редьки, короче воробьиного носа – не длинней воробьиного носа*. В подобных трансформах нередко заметна ироническая экспрессия; кажущееся смягчение признака благодаря отрицанию осознается, напротив, как усугубление негативной оценки: – *Не пойдёт наше дело, уважаемая барышня, – повторил он, продолжая стучать пальцами. – Короче, – сказала я сухо. – Не длинней воробьиного носа, товарищ командир производства, – сказал Волков и опять надолго замолчал* (В. Катаев «Жена»).

Обратим внимание на высокую частотность просторечной формы «пуще» как показателя компаративных отношений и выразителя основания сравнения: *пуще смерти (сильно бояться), пуще зверя (лютый)*. Это слово (наряду со стилистически нейтральным «больше»), пожалуй, лучше других актуализирует количественный аспект семантики устойчивого сравнения. По сведениям Этимологического словаря русского языка, это слово имеет значение «больше» и представляет собой устаревшую форму сравнительной степени от *пусть* («пустой») [13; с. 416]. Прилагательное «пуций», вероятно, прошло сложный путь метонимического переосмысления (от «пустой, порожний, свободный, незанятый» – к «большой, обширный»). Форма «пуще» широко употребляется и в индивидуально-авторских сравнениях: *Я, осторожно подкрадываясь, поцеловал Любу в шейку её нежную, после чего и до губ*

добрался, до тех невероятных, редкостных губ, что манили к себе **пуще спелой малины** (В. Астафьев «Обертон»).

Другой, не менее частотный, «усилитель» степени проявления признака – компаратив «хуже». Так, структурно-компаративный вариант УС **как нищий** ('1. **Беден; жить** – в крайней бедности') – не «беднее нищего», как можно было бы ожидать, а «хуже нищего», из чего можно заключить, что данная конструкция специализируется на выражении запредельно высокой степени проявления признака и эмоциональной оценки (как правило, негативной), в то время как более конкретная качественная характеристика находит выражение в других элементах контекста: – *Машенька-то писала, что и красавец-то вы у неё, и умница. – Какой уж там красавец! – усмехнулся Александр. – Страшно смотреть. Да и оборвался весь, **хуже нищего**. Если бы хоть какую одежду достать* (Н. Волков «День будет ясным»).

Интересно сопоставить прототипическую структуру и её СКВ с формой сравнительной степени. Различие между этими конструкциями оказывается особенно явственным в случаях, когда мы имеем дело со сходным контекстным окружением. 1. *Стараясь, выбиваясь из сил, а должнаешь всё больше, живёшь, как нищая, совестно пройти мимо мелочной лавки, питаться приходится одною картошкой* (В. Вересаев «Два конца»). В этом контексте УС **как нищая** выражает значение «очень бедно», и эта характеристика расценивается как вполне объективная. 2. – *Да, удивления достойно, – вздохнул Самойленко. – Так с утра до вечера сидит, всё сидит и работает. Долги хочет выплатить. А живет **хуже нищего!*** (А. П. Чехов «Дуэль»). Во втором случае говорящий не просто объективно оценивает степень материального благосостояния героя как предельно низкую, – он ещё и выражает свою субъективную оценку благодаря приёму преувеличения: «нищий» – уже предельно экспрессивное выражение бедности, так что, казалось бы, «хуже некуда». Именно это свойство рассматриваемой модели имеет в виду Л. Л. Федорова, именуя её «экспрессивным суперлативом». От обычного суперлатива (*сладчайший, слаще всего*) экспрессивный отличается тем, что он основан не на сопоставлении, а на уподоблении (*слаще мёда*) [14, с. 147].

В случаях, когда слова-сопроводители устойчивого сравнения-прототипа выражены прилагательными, в структуре рассматриваемого нами варианта проявляются формы сравнительной степени того самого прилагательного, выражающего основание сравнения. Здесь компаративы – уже не просто «усилители», средства повышения экспрессии, – они выразители качественного признака: **чёрный как сажа** – **чернее сажки, как трубочист** – **чернее трубочиста**. К примеру, УС **Как (словно, точно) <темная> ночь 'Мрачный;** ходить, сидеть, будучи мрачным' [9, с. 407] используется в структурно-компаративных вариантах *мрачнее ночи, темнее ночи, чернее ночи*. Эти варианты употребляются как характеристика предмета или явления, выраженных существительными, при этом, как правило, слова-сопроводители отсутствуют: *Трудно вспоминаются эти месяцы – конец весны, начало зимы сорок первого года. Сводки **мрачнее ночи**. Враг всё ближе к Москве* (Л. В. Успенский «Записки старого петербуржца»). Отсутствие слов-сопроводителей связано с тем, что в самой структуре УС признак выражен достаточно исчерпывающе.

Если варианты с формой сравнительной степени употребляются с глаголами, то это, как правило, не полнозначные глаголы, а глаголы-связки (*быть, стать, становиться*), реже – глаголы положения или перемещения в пространстве (*сидеть, стоять, ходить*) или психологического состояния (*бояться*): *Вскинулась она и убежала, заперлась в комнате. А он весь вечер проходил черней ночи. И не ужинал* (Е. Н. Пермитин «Ручьи весенние»); *Стал **чернее ночи** хозяин, нахмурился, опустил голову и не сказал ни слова. Молчали гости и рабы...* (Л. Н. Толстой

«Вражье лепко, а божье крепко»); Он [Фома Миронович] только что пообедал, елось ему не в охоту, за столом он сидел темнее ночи и кричал на дочерей, довел их до слёз, а когда за них мать вступилась, он зверем и на неё рывкнул (А. М. Горький «Наваждение»). Как видим, контекст лишь уточняет причины состояния персонажа либо раскрывает нюансы поведения, являющиеся его следствием.

Конструкции с компаративом, как правило, выполняют синтаксическую функцию именной части составного именного сказуемого. Для некоторых из них возможно и употребление в безличном предложении, в частности для УС чернее (мрачнее, темнее) ночи: *А на душе у меня тоже черно, просто сказать – **чернее ночи*** (В. Г. Короленко «Убийвец»).

Весьма интересно в плане анализа СКВ с формой сравнительной степени устойчивое сравнение **как (словно, точно) чёрт**, имеющее около восьми значений: *злой, злиться / как чёрт; черный, грязный, чумазый, вымазаться, / как черт; хитрый, умный / как чёрт, носиться, скакать / как чёрт, страшный / как чёрт, драться, сражаться / как чёрт; работать (напряженно) / как чёрт; устать, умяться / как черт* [9, с. 754–757]. Гипотетически можно представить структуры *злее черта, грязнее черта, хитрее (умнее) черта, страшнее черта*. Однако в нашей картотеке явно преобладают фрагменты с конструкциями «злее чёрта» и «хуже чёрта»: *С зари уж был у машины Степан Ильич; Даша понесла ему туда кофе в термосе, но он только отмахнулся от неё. Что-то не ладилось у него. Он был **злее чёрта*** (Б. Горбатов «Даша»); *Ещё выпили, а Васька отчаянный, ежели и трезвый, а пьяный **хуже чёрта*** (Д. Н. Мамин-Сибиряк «В камнях»). Сравнение «хуже чёрта» употребляется не только в синтаксической позиции предиката при компоненте А – субстантиве, но и как обстоятельство при глаголе-сопроводителе «бояться»: – *И пуще всего войны опасаются. Этого, я тебе скажу, **хуже чёрта боятся**. Все натерпелись* (Л. А. Кассиль «Чаша гладиатора»). В этом случае мы имеем дело со структурным вариантом другого УС того же гнезда – УС **как (словно, будто) чёрта** (бояться) – человека или чего-либо.

Вообще в данном случае особенно показательно непреодолимое стремление носителей русского языка интенсифицировать признак, переходя за все мыслимые границы нормального его проявления, несмотря на то, что образ *чёрт* сам по себе служит «суперэталоном» интенсивности любого признака. Способов подобного усиления множество: это и основание сравнения в форме субъективной оценки (*злющий как чёрт, хитрющий как чёрт*), и употребление количественно-именного словосочетания в качестве образа сравнения (*злой как тысяча чертей, умён как сто чертей, как миллион чертей*), и использование каскада однофункциональных сравнений (*хитрый как черт, как дьявол*). В этом же ряду – использование конструкций с формой сравнительной степени: <...> *Каждый раз вылезает из смолокурни весь **чёрный как чёрт, чернее трубочиста**; очень трудно потом отмыть руки и лицо* (А. И. Куприн «Ночь в лесу»).

В ряде случаев имеет место идиоматизация СКВ рассматриваемой модели: *тише воды, ниже травы; хуже горькой редьки; проще пареной репы; короче воробьиного носа*. Внутренняя форма таких устойчивых выражений затемнена и требует этимологического анализа, направленного либо на поиск мотивировки всей компаративной конструкции, либо на истолкование архаичного компонента (как правило, образа сравнения). Подобные структуры, как правило, входят в состав словариков фразеологических словарей и не находят отражения в специализированных словарях устойчивых сравнений: **ТИШЕ ВОДЫ, НИЖЕ ТРАВЫ** 'Разг. Неизм. 1. Скромный, незаметный, робкий или старающийся выглядеть таким в силу обстоятельств. 2. Робко, скромно, незаметно' [3, с. 230]: – Возвращайся немедленно в Киев, – продолжал Азazelло. – *Сиди там **тише воды, ниже травы** и ни о каких*

квартирах в Москве не мечтай. Ясно? (М. Булгаков «Мастер и Маргарита»); *С тех пор как бабушку свергли, она стала тише воды, ниже травы. Ходит по комнате – еле тапками шуришит <...>* (А. Лиханов «Лабиринт»). Иногда этот фразеологизм подается в словарях в «редуцированном» виде: **ТИШЕ ВОДЫ** кто. Разг. Экспресс. Робкий, скромный, незаметный (человек) [17, с. 204].

Интересно рассмотреть две анализируемые нами конструкции в случае, когда они генетически связаны с одним и тем же устойчивым сравнением и характеризуются общим компаративным значением: 1) *Весь январь я работаю над степью, ничего больше не пишу, а потому разорился в пух и прах. Если «Степь» будет напечатана позже марта, то я **взвою волком*** (В. П. Чехов – А. Н. Плещееву, 19 января 1888 г.); 2) *С одной стороны, это хорошо... Милое существо около, любовь, романсы; с другой же стороны, как пойдут дети, так **пуще волка** взвоешь! Одному сапоги, другому штанишки, за третьего в гимназию платить надо... и не приведи бог!* (А. П. Чехов «Оба лучше»). Сопоставление двух компаративных конструкций демонстрирует очевидное структурное различие между ними: первая включает в качестве компонентов признак и образ сравнения (В) в творительном падеже, а вторая – интенсификатор-компаратив «пуще» и образ (В) в родительном падеже. Первая является экспрессивной качественной характеристикой физического и (или) психологического состояния, а вторая выражает высокую степень интенсивности действия, состояния, а также их эмоциональную субъективную оценку.

Выше мы отметили более высокую степень идиоматичности сочетаний с «творительным сравнения» (по отношению с конструкциями с союзом *как* (словно, точно, будто). Что касается модели «сравнительная степень прилагательного (наречия) + компонент В – сущ. в род. п. без предлога», то эта конструкция явно более свободная и, следовательно, менее идиоматичная. Об этом свидетельствуют многочисленные случаи авторских трансформаций, которые, как правило, осуществляются путем вставки согласованного определения между компаративом и именной формой: – *И что это мужчины стали такие болтливые? – сказала вдруг Валя. <...> И вот языком болтают, вот болтают! **Хуже базарных баб...*** (В. И. Белов «Всё впереди»); *Костомаров виноват тем, что глуп и наболтал **хуже старой бабы*** (М. Л. Михайлов «Письма»)³. Кроме прилагательного в этой функции могут выступать определительные местоимения «всякий, любой, иной», подчеркивающие типичность выражаемого признака именно для этого образа сравнения. В данном случае имеются в виду несамостоятельность, слабость, выражающаяся в частности в бурном выражении горя, плаксивость и прочие «бабьи признаки»: – *Сто лет не плакал. Розу, жену, без слёз похоронил. А тут... Как чумной часа два на кровати валялся, зубами скрипел. **Хуже всякой бабы** ревел* (В. Кузнецов «Золотое дно»); *С первым [мужем] развелась из-за пьянки. Второй хоть и не пьёт, зато какой-то овиденной, а не самостоятельный. Сам **хуже любой бабы*** (В. И. Белов «Свидания по утрам»); «Не парень ты! **Хуже иной бабы**. Языком, что помелом! Вот расскажу девочкам, что ты про них несёшь: никто с тобой гулять не будет... (С. А. Кружилин «Липяги»). Оба способа распространения имени в форме родительного падежа (и прилагательным, и местоимением) достигают одной и той же цели: делают образ «вещно-конкретным», представимым, оживляют его, убеждая читателя в точности выбранного эталона. В целом ряде случаев мы имеем дело не с трансформами, а с факультативными компонентами прототипической структуры, которые лишь воспроизводятся в структурно-компаративном варианте с «творительным сравнения». Ср.: **как баба** ‘<...> 2. ~ <базарная, старая> ~. Болтливый; болтать; трепаться (груб.-прост.), судачить, сплетничать. О мужчине (презр.)’ [9, с. 39].

Как уже отмечалось нами, потенциальных структурно-компаративных вариантов УС намного больше, чем зафиксировано в словарях. Можно прогнозировать

появление в текстах таких вариантов, как: *бледнее полотна (стены, скатерти, мертвеца)*, *краснее кирпича (мака, кумача – о лице)*; *чернее агатов (антрацита, угольков – о глазах)*; *смирнее агнца (вести себя)*; *милее ангелочка (амурчика, херувимчика – о внешности ребенка)*; *красивее Аполлона*; *чернее ворона (жука, цыгана, араба – о волосах, коже человека)*; *мягче, нежнее атласа – о коже человека*; *пуще зеницы ока (беречь)*. Потенциальные СКВ не фиксируются словарями, но встречаются в текстах (более или менее регулярно): *Вот идёт диетврач Голявкин, лицо краснее кирпича, шагает аккуратненько – как бы не поскользнуться, – несёт впереди себя живот, как беременная женщина. <...>* (А. С. Ткаченко «Тридцать семь и три»).

То же можно сказать и о потенциальных конструкциях «творительного сравнения»: *ходить, вышагивать / аистом, цаплей*; *метаться / затравленным зверем*; *прыгать, скакать / зайцем*; *болтаться, мотаться / дерьмом в проруби*; *лежать / байбаком*; *лазать / акробатом, кошкой, обезьяной* и т. п.

Богатые сведения о потенциальных СКВ даёт рассмотрение синонимических рядов тех УС, которые располагают реальными, зафиксированными в словарях вариантами. Например, УС как (словно, точно) *гвоздь* (засесть, сидеть, торчать) может употребляться в другом варианте – *гвоздём / засесть*. Это УС имеет синоним как *заноза*, которое, соответственно, имеет СКВ *занозой / засесть*. То же можно сказать и об УС как (словно, точно) *затворник (затворница)*, которое имеет целый ряд синонимов: *жить, сидеть как бирюк, как медведь <в берлоге>*, *как монах (монахиня, как отшельник (отшельница), как узник* [9, с. 196], и едва ли не все они, как и исходная структура, могут употребляться в форме «творительного сравнения»: *жить, сидеть / затворником, бирюком, монахом, отшельником* и т. д. Ср. также синонимический ряд как *гиря (тонуть, идти на дно) – как камень, как топор, как утюг*. УС как *гиря* в этом значении употребляется в структурно-компаративном варианте *гирей / идти на дно, тонуть*. Логично предположить возможность структурно-компаративных вариантов и у остальных членов синонимического ряда: *идти на дно / топором, утюгом, камнем*⁴.

Анализ контекстов НКРЯ в целом подтверждает наше предположение. Однако важно отметить, что в одном синонимическом ряду УС могут оказаться сравнения, построенные по разным моделям. Извлечение потенциальных возможностей структурно-компаративного варьирования из анализа синонимических рядов должно строиться с учетом отмеченных нами выше «запретов»: есть модели, которые в силу особенностей грамматической связи входящих в их состав компонентов не могут иметь СКВ рассматриваемых нами типов. К примеру, УС как <свой> *глаз* (беречь, оберегать кого, что-л.) имеет синонимы как *драгоценность, как святыню, как зеницу ока*; оно может употребляться в ином варианте: *пуще глаза / беречь*. Для двух первых синонимов проявление СКВ этого типа вполне реально (*беречь / пуще святыни, пуще драгоценности*), но для УС *беречь / как зеницу ока* подобный вариант оказывается невозможным.

Если в семантической структуре УС два или более значений, причем одни из них выражаются посредством сопроводителей-прилагательных, а другие – сопроводителями-глаголами, то структурно-компаративный вариант «компаратив + образ В – сущ. в род. п.» скорее появится в первом случае, а «творительный сравнения» проявит себя во втором. Например, УС как (словно, точно) *жеребец <стоялый>* в значении «здоровый, сильный» (о человеке) потенциально может употребляться в словосочетаниях типа *здоровее жеребца <стоялого>* (ср. также синонимические выражения *сильнее (здоровее) борова, буйвола, бугая, быка; крепче дуба, сильнее медведя*), а в значении «ржать, гоготать, хохотать» (о человеке) имеет зафиксированный словарем СКВ «*жеребцом – ржать, гоготать*» [9, с. 178]. УС как (словно, точ-

но) журавль в значении «длинноногий, длинный» не может иметь СКВ «творительный сравнения», зато в значении «ходить, шагать, широко переступая длинными ногами» вариант «**журавлем** – ходить, шагать, вышагивать» вполне возможен [там же, с. 183].

В семантике некоторых компаративных фразеологизмов представлены оба рассматриваемых нами СКВ. Так, УС **как (словно, точно) зверь** в первом значении ('1. Злой (ая), лютый(ая), жестокий(ая), безжалостный(ая))' имеет вариант *лютее зверя*, а во втором и четвертом ('2. ~ <лютый> ~ Смотреть, глядеть на кого-л. (человека) – со злобой, ненавистью. <...> 4. ~ <лютый [дикий]> ~ Кидаться, бросаться, набрасываться на кого-л. (человека) с целью физической расправы или с бранью, угрозами, будучи в крайне озлобленном состоянии' – варианты *смотреть / зверем* и *набрасываться, кидаться / зверем* [там же, с. 201–202].

В художественных текстах использование разных компаративных моделей помогает преодолеть автоматизм восприятия; при этом посредством разных моделей авторы, как правило, характеризуют разные сопоставляемые (или противопоставляемые) объекты: *Поп сидит, распустив на обе стороны бороду, как бог Саваоф, попадья богородицей, а дочки – ну чисто ангелы! Все в белых кипенных кружевах, по щекам золотые локоны, губки бантиками, глазки вприщур, только что крылышек нет* (Н. В. Богданов «Вечера на укомовских столах»). В этом фрагменте используются и прототипическая модель с сравнительным союзом (как **Саваоф**), и творительный сравнения (*попадья богородицей*), и метафора с усилительной частицей (*чисто ангелы*). Последняя структура является авторским СКВ устойчивого сравнения как (словно, точно) ангел.

Особо отметим немногочисленные случаи, когда прототипическая компаративная модель в речи фактически не употребляется (или встречается очень редко), зато налицо другие модели – «короче воробьиного носа», «с воробьиный нос»: *После маленького рассказика, с воробьиный нос, напишите повестушку, а там глядь и романище о восьми частях <...>* (А. И. Куприн «Юнкера»); *Ночь теперь короче воробьиного носа... Придём в деревню к свету* (А. М. Горький «Дружки»). Конструкция с винительным падежом выражает качественную характеристику в смягчённом виде благодаря семантике приблизительного сходства размера (величины) с тем или иным эталоном; структура с компаративом гораздо более прямо и резко выражает не только само качество (предельно короткое – что-либо, имеющее временное измерение – *рассказ, разговор, ночь, счастье, бабья красота*), но и его эмоциональную оценку (сожаление, досаду или осуждение). В обоих случаях замена инвариантом «как воробьиный нос» в принципе невозможна.

Представляется, что отсутствие «прототипической структуры» сопряжено с феноменом идиоматизации отдельных СКВ – проблемой, заслуживающей специального анализа.

Заключение (выводы и перспективы)

Итак, проведенный нами анализ структуры, семантики и особенностей употребления двух типов структурно-компаративных вариантов устойчивых сравнений позволяет сделать ряд выводов.

1. Структурно-компаративные варианты устойчивых сравнений представляют собой особый тип варьирования, при котором модификации подвергаются не отдельные его компоненты, а вся модель в целом. Анализ подобных СКВ имеет важное значение для системного описания устойчивых компаративных конструкций русского языка.

2. «Творительный сравнения» и конструкции с формой сравнительной степени прилагательного или наречия являются двухкомпонентными, поскольку в состав воспроизводимой части входят два из трех обязательных компонентов компа-

ративной структуры (АВ или ВС). Проявление СКВ обоих типов обнаруживает зависимость от таких факторов, как 1) модель, по которой образовано исходное («прототипическое») устойчивое сравнение; 2) система слов-сопроводителей, с которыми оно может употребляться; 3) многозначность УС; 4) наличие у него синонимов; 5) возможный круг объектов образной характеристики. Обе модели исключительно продуктивны в сфере индивидуально-авторского фразообразования.

3. «Творительный сравнения» характеризуется высокой степенью подвижности структуры (по сравнению с СКВ второго типа); жёсткой зависимостью от лексико-грамматической характеристики слова-сопроводителя; «специализацией» на качественном аспекте образной характеристики. На фоне прототипической структуры эти СКВ выражают более высокую степень интенсивности признака; характеризуются более высокой степенью идиоматичности и более выраженным «эффектом уподобления», но меньшей структурной мобильностью.

4. Конструкция с формой сравнительной степени отличается менее строгой зависимостью от слов – сопроводителей исходного УС; способностью выражать «запредельную» степень интенсивности признака; наиболее высокой степенью экспрессии; преобладанием количественного аспекта компаративной семантики над качественным.

Перспективы намеченной нами проблематики видятся прежде всего в анализе образного потенциала анализируемых СКВ – тех возможностей реализации двух моделей, которые пока остаются за пределами лексикографического отражения. Представляет интерес также дальнейшее исследование нюансов семантики и функционирования каждого из типов СКВ (не только проанализированных нами в настоящей статье), анализ условий идиоматизации соответствующих вариантов, более чёткое определение соотношения между понятиями «инвариантная структура» и «прототипическая структура» применительно к русской компаративной фразеологии. Детальный анализ всех структурно-компаративных вариантов может способствовать решению таких дискуссионных проблем фразеологии, как вопрос об эталонах в системе УС, разграничение нормативных и авторских вариантов, проблема взаимодействия грамматической и фразеологической семантики.

Примечания

1. В рамках настоящей статьи для обозначения воспроизводимых фразеологических единиц с семантикой образного сравнения мы используем также термин «компаративный фразеологизм».
2. Здесь и далее при воспроизведении УС мы не отражаем наиболее типичное, регулярно фиксируемое словарями варьирование показателя компаративных отношений: *как (словно, точно)*.
3. Отмеченный способ авторской трансформации является очень частотным и в системе классических моделей с союзом *как*: – *Передай прапорщику Каменеву, что я прошу его заниматься с ротой!* – крикнул ему навстречу Абрамов и добавил злобно, – бежишь, **как брюхатая баба!**.. Пошёл! (С. Н. Сергеев-Ценский «Пристав Дерябин»).
4. Разумеется, подобное сопоставление синонимов далеко не всегда дает ожидаемые результаты. Например, в синонимическом ряду *вспыхивать, гореть, алеть /как (словно, точно) зарево* – как *вшня, как заря (зорька), как кумач, как мак, как пион, как маков цвет* только первое сравнение имеет структурно-компаративный вариант – творительный сравнения *ЗАРЕВОМ*.

Список источников и литературы

1. Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1964. 315 с.
2. Бондаренко В. Т. Устойчивые фразы в русской речи. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2011. 153 с.

3. Быстрова Е. А., Окунева А. П., Шанский Н. М. Краткий фразеологический словарь русского языка. СПб.: Просвещение, 1994. 271 с.
4. Конюшкевич М. И. Категория сравнения и её место в системе языка // Вопросы функциональной грамматики : сб. науч. тр. / под ред. М. И. Конюшкевич. Гродно: ГРГУ, 2001. Вып. 4. С. 82–94.
5. Кунин А. В. Устойчивые адъективные сравнения в русском и английском языках (опыт сопоставительного анализа) // Русский язык за рубежом. 1969. № 3. С. 80–86.
6. Луценко Н. А. О происхождении и внутриязыковых реакциях семантики сравнения // Теоретическая и прикладная семантика. Парадигматика и синтагматика языковых единиц. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 1998. С. 8–15.
7. Мокиенко В. М. Словарь сравнений русского языка: 11000 единиц. СПб.: Норинт, 2003. 608 с.
8. Мразек Р. Синтаксис русского творительного: (структурно-сравнительное исследование). Praha: Státní pedagogické nakl., 1964. 285 с.
9. Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синоним-антонимический). М.: Рус. словари, 2001. 800 с.
10. Огольцева Е. В. Компаративное гнездо как система грамматических модификаций образа сравнения // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2019. Вып. 3. С. 217–225.
11. Огольцева Е. В. Устойчивые сравнения русского языка: стабильность и динамичность // Русский язык в школе. 2015. № 5. С. 14–21.
12. Ушакова Ю. Ю. Лексическая наполняемость и структурно-семантические особенности компаративных тропов в русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Ушакова Юлия Юрьевна. М., 2005. 44 с.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 3. М.: Прогресс, 1987. 832 с.
14. Фёдорова Л. Л. Тише воды, ниже травы – экспрессивный суперлатив? // Устойчивые сравнения в системе фразеологии : коллективная монография / отв. ред. В. М. Мокиенко. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2016. С. 147–151.
15. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX в.: около 7000 слов. ст. : в 2 т. / под ред. А. И. Фёдорова. Новосибирск: Наука, 1991. Т. 2. 271 с.
16. Хлебникова М. В. Творительный падеж в составе деривационной парадигмы сравнительных конструкций // Альманах современной науки и образования. 2011. № 7. С. 166–167.
17. Ходова К. М. Творительный превращения и сравнения // Творительный падеж в славянских языках / под ред. С. Б. Берштейна. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 181–192.
18. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка : учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1969. 321 с.

References

1. Arkhangelskiy, VL 1964, *Ustoychivyye frazy v sovremennom russkom yazyke. Osnovy teorii ustoychivyykh fraz i problemy obshchey frazeologii* (Set expressions in modern Russian. Fundamentals of the theory of set expression and problems of general phraseology), Izd-vo Rostovskogo universiteta publ, Rostov-on-Don. (In Russ.)
2. Bondarenko, VT 2011, *Ustoychivyye frazy v russkoy rechi* (Set expressions in Russian speech), Izd-vo Tul. gos. ped. in-ta im. L. N. Tolstogo publ, Tula. (In Russ.)
3. Bystrova, EA, Okuneva, AP & Shanskiy, NM 1994, *Kratkiy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* (Shorter phraseological dictionary of the Russian language), Prosveshcheniye publ, St.-Petersburg. (In Russ.)
4. Konyushkevich, MI 2001, 'Kategoriya sravneniya i eyo mesto v sisteme yazyka' (Comparison category and its place in the language system), *Voprosy funktsional'noy grammatiki* (Issues in functional grammar), ed. M.I. Konyushkevich, no.4, GRGU publ, Grodno, pp. 82–94. (In Russ.)

5. Kunin, AV 1969, 'Ustoychivyye adyektivnyye sravneniya v russkom i angliyskom yazykakh (opyt sopostavitel'nogo analiza)' (Sustained adjective comparisons in Russian and English (comparative experience)), *Russian Language Abroad*, no.3, pp. 80–86. (In Russ.)
6. Lutsenko, NA 1998, 'O proiskhozhdenii i vnutyazykovykh reaktsiyakh semantiki sravneniya' (On the origin and intralingual reactions of comparison semantics), *Teoreticheskaya i prikladnaya semantika. Paradigmatika i sintagmatika yazykovykh yedinit* (Theoretical and applied semantics. Paradigmatics and syntagmatics of linguistic units), Kubanskiy gos. un-t publ, Krasnodar, pp. 8–15. (In Russ.)
7. Mokiyeiko, VM 2003, *Slovar' sravneniy russkogo yazyka: 11000 yedinit* (Dictionary of comparisons of the Russian language: 11000 units), Norint publ, St. Peterburg. (In Russ.)
8. Mrazek, R 1964, *Sintaksis russkogo tvoritel'nogo: (Strukturno-sravnitel'noye issledovaniye)* (Syntax of the Russian ablative case: (Structural-comparative study), Státní pedagogické nakl publ, Praha. (In Russ.)
9. Ogoltsev, VM 2001, *Slovar' ustoychivyykh sravneniy russkogo yazyka (sinonimo-antonimicheskiiy)* (Dictionary of stable comparisons of the Russian language (synonymous-antonymic), Rus. Slovare publ, Moscow. (In Russ.)
10. Ogoltseva, EV 2019, 'Komparativnoye gnezdo kak sistema grammaticheskikh modifikatsiy obraza sravneniya' (Comparative nest as a system of grammatical modifications of the comparison image), *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, no.3. pp. 217–225. (In Russ.)
11. Ogoltseva, EV 2015, 'Ustoychivyye sravneniya russkogo yazyka: stabilnost i dinamichnost' (Fixed similes of the Russian language: stability and dynamism), *Russian Language at School*, no.5, pp. 14-21. (In Russ.)
12. Ushakova, YuYu 2005, *Leksicheskaya napolnyayemost' i strukturno-semanticheskiye osobennosti komparativnykh tropov v russkom yazyke* (Lexical content and structural-semantic features of comparative tropes in Russian), doctoral thesis, MPGU, Moscow. (In Russ.)
13. Vasmer, M 1987, *Etimologicheskiiy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* (Etymological dictionary of the Russian language. In 4 vols), vol. 3, Progress publ, Moscow. (In Russ.)
14. Fyodorova, LL 2016, 'Tishe vody, nizhe travy – ekspressivnyy superlativ?' (Is "Quieter than water, lower than grass" an expressive superlative?), *Ustoychivyye sravneniya v sisteme frazeologii: kollektivnaya monografiya* (Fixed similes in the system of phraseology), ed. V.M. Mokiyeiko, Sankt-Peterburgskiy gos. un-t publ, St. Petersburg, pp. 147–151. (In Russ.)
15. Fyodorov, AI (ed.) 1991, *Frazeologicheskiiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka kontsa XVIII-XX vv.* (Phraseological dictionary of the Russian literary language of the late 18th – 20th centuries), vol. 2, Nauka publ, Novosibirsk. (In Russ.)
16. Khlebnikova, MV 2011, 'Tvoritel'nyy padezh v sostave derivatsionnoy paradigmy sravnitel'nykh konstruktsiy' (Ablative within the derivational paradigm of comparative constructions), *Almanac of Modern Science and Education*, no. 7, Gramota publ, Tambov, pp. 166–167. (In Russ.)
17. Khodova, KM 1958, *Tvoritel'nyy padezh v slavyanskikh yazykakh* (Ablative transformations and comparisons), ed. S. B. Bershteyn, Izd-vo AN SSSR publ, Moscow, pp. 181–192. (In Russ.)
18. Shanskiy, NM 1969, *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka* (Phraseology of the modern Russian language), Vyssh. Shk. publ, Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 29.11.2023
 Одобрена после рецензирования: 11.12.2023
 Принята к публикации: 18.12.2023

The article was submitted: 29.11.2023
 Approved after reviewing: 11.12.2023
 Accepted for publication: 18.12.2023